

**РОБЕРТ АЛАН
ДАЛЬ (РОДИЛСЯ 17
ДЕКАБРЯ 1915 Г.),
ВСЁ О
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОППОЗИЦИИ**

Даль Роберт Алан – доктор политических наук, старший научный сотрудник в области социологии, профессор Йельского университета в США, один из самых выдающихся политологов современности.

Книги, которые получили мировую известность:

- «Введение в демократическую теорию» (1956),
- «Современный политический анализ» (1964),
- «Политические оппозиции в западных демократиях» (1966),
- «Дилеммы плюралистической демократии» (1982),
- «Полиархия. Участие и оппозиция» (1971),
- «Демократия, свобода и равенство» (1986).

Оппозиция

Об оппозиции можно говорить в узком и широком смыслах.

В **узком** смысле – это политическая партия, коалиция или движение, являющееся парламентским меньшинством, которое может прийти к власти на следующих выборах.

Роберт Даль предложил объяснение понятия «оппозиция», которое можно отнести к числу «**широких**»: «Предположим, что А определяет курс правительства в определенной политической системе по тому или иному вопросу в течение некоторого промежутка времени...Предположим, что в течение этого промежутка времени Б не может определять поведение правительства, и что Б противостоит тому курсу правительства, что определяется А. Тогда Б является тем, что мы называем «оппозицией». Заметим, что в течение некоторого другого промежутка времени предопределять курс правительства может Б, и тогда в оппозиции окажется А.»

В 1966 г. Р. Даль , анализируя основные параметры политической оппозиции в западных демократиях, выделил четыре основные модели:

Британская

Континентальная

Скандинавская

**Американо-
Швейцарская**

Британская модель оппозиции

Первая модель, которую можно назвать классической, или «вестминстерской», характеризуется наличием двух достаточно хорошо организованных главных партий, поэтому оппозиция сосредоточена в одной партии. Эти партии строго соревновательны в парламенте и на выборах. Оппозиция столь резко отличима, что ее можно идентифицировать однозначно. Основное противоборство между оппозицией и правительством происходит на парламентских выборах и в национальном парламенте, причем парламент является рутинным, каждодневным местом противоборства. Было бы правильнее даже назвать парламент форумом, используемым для победы на следующих выборах, ведь парламентские дебаты имеют целью повлиять не столько на депутатов, сколько на публику – и на будущие выборы.

Континентальная модель

Вторая модель существует в ряде государств Западной Европы с парламентскими системами правления. Там оппозиция представлена несколькими партиями и потому борьба между ними носит не такой соревновательный характер. Решающим местом противоборства между ними является коалиционный торг после выборов с целью формирования исполнительной власти. Соответственно и стратегия оппозиции направлена не на завоевание парламентского большинства, а на увеличение числа мест в парламенте, что дает ей дополнительные преимущества в ходе коалиционного торга.

Скандинавская модель оппозиции

Выделение третьей модели предполагает включение механизмов социального партнерства. Здесь большую роль играет политический торг, но главное отличие от предыдущей модели состоит в том, что рамки торга существенно расширены. По ряду ключевых вопросов переговорный процесс охватывает значительно больший круг участников, чем в предыдущей модели, включая крупнейшие ассоциации предпринимателей и работодателей, профсоюзы и др. Эта модель оппозиции предполагает включение механизмов социального партнерства.

Американо-Швейцарская модель

Оппозиция в четвертой модели наиболее далека от классической. Политические партии здесь отличаются слабым внутренним единством, децентрализованностью и разрозненностью. Примечательной чертой стран, относящихся к этой модели, является то, что в них вообще отсутствует противоборство между оппозицией и правительством.

Касаемо модели оппозиции в России – политологи отмечают резкое снижение политического влияния оппозиционных партий. Такой факт выделяют как один из наиболее заметных итогов первого президентского срока В.В. Путина (2000-2004гг.). Все чаще можно услышать, что в нынешней российской политической системе нет оппозиции — как системной, выступающей за смену политических сил, стоящих у власти, так и несистемной, отвергающей сложившиеся правила политической игры. Если на протяжении 1990-х годов оппозиционные силы оказывали весомое воздействие и на российский политический рынок, то в 2000-е годы они не просто «уступили» место более успешным игрокам.

При анализе систем правления западных стран можно прийти к выводу, что успешность оппозиции в демократических государствах не всегда зависит от законодательного закрепления ее статуса. Лишь одна страна в Европе имеет специальный закон, регламентирующий деятельность оппозиции – Португалия. Остальные страны руководствуются смежными законодательными актами, историческим опытом и здравым смыслом.

Типы взаимодействия режима и оппозиции

В зависимости от характера политического режима, степени его гибкости и восприимчивости переменам извне и изнутри, а также от характера и ориентации оппозиции, могут быть выделены различные модели взаимодействия режима и оппозиции.

Роберт Даль («Полиархия. Участие и оппозиция», 1971) использовал в своей классификации два критерия:

1. Степень либеральности режима, или его способность обеспечить публичную соревновательность в борьбе за власть. Определяется степенью открытости политических институтов, а также гарантиями, позволяющими членам политической системы претендовать на управление обществом. Т.е. критерий объясняет, какие имеются возможности для участия и политической деятельности (в том числе, и для оппозиции).
2. Уровень вовлеченности граждан в политический процесс. Определяет общую численность взрослого населения, являющегося участником политического процесса и способного на относительно равной основе контролировать правительственную деятельность. Т.е. критерий объясняет, каким образом эти возможности практически используются.

На основе данных критериев Даль выделяет три типа режимов: гегемония, полиархия и смешанный режим.

Гегемонии отличаются крайне низкой степенью вовлеченности граждан в политический процесс, не обеспечивая для этого каких-либо институциональных возможностей.

Полиархии наоборот представляют режимы, обеспечивающие граждан всей полнотой участия в политической деятельности.

Гегемонии и полиархии — скорее идеальные типы, нежели реально существующие режимы. Они встречаются в реальной политике, но еще более часты смешанные режимы, представляющие собой самые различные варианты пересечения выделенных критериев. Одним из примеров смешанных режимов могут служить конкурентные олигархии, в которых институты политического участия используются лишь узкоэлитарными группировками.

Данная типология позволяет выделить три модели взаимодействия режима

В условиях **гегемонии** формируется жесткая модель взаимодействия правительства и **оппозиции**. Режим запрещает любую оппозицию и делает все возможное для ее полного искоренения. Причем, возможности возникновения критических настроений искореняются не только вне-, но и внутри правящей партии, как это было, например, в случае с коммунистическими партиями в СССР и Восточной Европе. Граждане таким образом полностью отчуждены от политики и идеологии правительства, от возможностей контролировать социальные, экономические и политические структуры. Поэтому оппозиция, если ей и удастся выжить в таких условиях, существует на нелегальном положении и не может не быть нелояльной режиму. Жесткий режим не в состоянии определить, какая оппозиция представляет для него угрозу, а какая является «безопасной». Поэтому принципиальной линией его поведения, по Роберту Даль, оказывается следующая: «не должно проводиться никаких различий между приемлемой и неприемлемой оппозицией, между лояльной и нелояльной оппозицией, между оппозицией, права которой следует защищать и оппозицией, подлежащей репрессированию». Но если любая оппозиция рассматривается как потенциально опасная и подлежащая репрессиям, развивает Даль свою мысль, то и любая, даже потенциально лояльная оппозиция неизбежно трансформируется в нелояльную. А раз так, то любая оппозиция превращается в условиях гегемонии в потенциально нелояльную, и, следовательно, с точки зрения режима должна быть уничтожена.

Совершенно иначе строятся отношения режима и оппозиции в условиях **полиархии**. В тех случаях, когда в полиархии относительно благополучно разрешаются характерные для нее проблемы достижения социального равенства и преодоления конфликтных тенденций, оппозиционные партии и движения выступают преимущественно как лояльные режиму. Но полиархии — системы исключительно гибкие, подвижные, восприимчивые к переменам. Поэтому критическая масса лояльной оппозиции режиму отнюдь не всегда остается постоянной. Число ее представителей может меняться в зависимости от успеха в решении возникающих перед обществом проблем. Если такие проблемы (связанные, например, с технологической перестройкой производственных структур) разрешаются, задевая интересы незначительной части населения, то режим опирается в своих действиях на широкую социальную коалицию, и в обществе сохраняется идейно-политическое единство.

Значительно сложнее сохранить единство в переходных условиях, когда в основном создаются различного типа **смешанные режимы**. В таких условиях нередко происходит сужение социальной опоры правительственной политики. Соответственно и оппозиция, представляя определенные социальные интересы, меняет свое отношение к режиму от лояльности к полулояльности. Еще сложнее сохранить социальную интегрированность в обществе, если режим никак не принимает в расчет интересы значительных социальных слоев и представляющих их интересы оппозиционных партий. Режим в таком случае оказывается поставленным в положение частичной изоляции от общества, а оппозиция все больше трансформируется в защитницу общественных интересов и становится все менее лояльной по отношению к политике власти. Находящееся в таких условиях общество оказывается в состоянии идейно-политической поляризации, что чревато его фрагментацией и даже полным распадом.

Таким образом, отношения режима и оппозиции в условиях смешанных режимов отнюдь не безоблачны. Это относится ко всем смешанным режимам, в том числе близким по своим структурным характеристикам к демократиям. Но сказанное особенно справедливо в отношении демократий олигархического типа, когда часть демократических институтов установлена, но все еще не укоренена социально — не были созданы адекватные социальные и экономические связи, структуры гражданского общества. Характерный пример — российская ситуация, возникшая после распада СССР с установлением нового политического режима. Структура имеющихся здесь социальных и экономических интересов далека от совпадения с возникшими в 1992-93 гг. политическими структурами, созданными для артикуляции и объединения этих интересов. Проблемы, стоящие перед обществом, сложны и беспрецедентны, и режим не отваживался на серьезные усилия по их решению, подчинял свою деятельность не столько логике системного реформирования, сколько логике аккумуляции политической власти. Между тем, сложность и запущенность ситуации нередко не оставляют властям иного выбора, а тенденции идейнополитической поляризации в случае промедления властей имеют свойство набирать силу уже вне зависимости от реформаторской решимости правящего режима.